

Елена Джонсон

Не злите Броню

часть 2

Тетя Ася, трое нахальных
детей и старый дом

Семья Куликовых вновь в центре событий: таинственные незнакомцы, убегающие от похитителей голышом по лесной дороге, чужие секреты, раскаявшиеся убийцы, — и троицу нахальных детей опять не удастся удержать от преследования опасных преступников. Впрочем, с такой семейкой у преступников просто нет шансов.

Елена Джонсон

Не злите Броню

Однажды темной осенней жуткой ночью на старинном заброшенном кладбище светила полная луна, — нараспев завывал Бронька на заднем сиденье автомобиля, — Она освещала каменные кресты над могилами и таинственный знак на воротах склепа...

Младшая сестренка Янка с восторгом повизгивала, а сидящий за рулем отец слушал его и снисходительно ухмылялся. Ребенок читал как по писаному, и довольный отец говорил себе, что вбухивал немалые деньги в библиотеку для своих детей не зря. Правда, эти страшилки определенно были не из тщательно подбираемых для детей книг, и где их Борька брал, следовало выяснить.

А брал их Бронька летом на чердаке тети Асиной дачи, где были завалы старинных книг, оставшихся после тети Асиных пра-пра дедушек и бабушек в их старинном доме. Бронька там раскопал библиотеку «Таинственные истории о привидениях и вурдалаках, доподлинно известные нашим предкам». Насчет доподлинности Бронька только посмеивался, но так здорово было читать их с Ирккой и Владиком по ночам и вместе дрожать от сладкого ужаса на чердаке, замирая от протяжных

скрипов старой дачи. При желании и большом воображении их можно было принять за стоны привидений.

Они втроем — Бронька, Янка и их папа, — возвращались как раз оттуда, от тети Аси. Несмотря на то, что летом им всем было совершенно не до огорода, они везли домой пять огромных кабачков, две тыквы и три трехлитровые банки с вареньем. Это дары Клеопатры Апполинариевны, благодарной им за то, что летом они спасли ее от смерти от руки собственного троюродного племянника из Израиля, который не хотел делиться с ней наследством ее деда и отца.

Ехали поздно, засидевшись за чаем у тети Аси, от которой, как всегда, не хотелось уезжать. Янка, широко раскрыв глаза, слушала Бронькину сказку о том, как потревоженное привидение тянуло руки к несчастному прохожему, который совершенно случайно забрел ночью на это кладбище (спрашивается, чего ему не спится по ночам, и, если уж он решил прогуляться в такой час, отчего он выбрал такой странный маршрут?). Этот прохожий оказался праправнуком его убийцы, о чем он только что с удивлением узнал, и привидение жаждало мести.

Бронька все больше вдохновлялся, глядя в окно на темную громаду леса по обеим сторонам дороги, верхушки которого освещала мертвенным

светом полная луна.

Вдруг папа громко чертыхнулся, машина дернулась и понеслась стрелой, ощутимо виляя во всей ширине дороги.

— Пап, ты чего лихачишь? — с удивлением спросил Бронька, вглядываясь в дорогу. Далеко впереди он увидел белую фигуру у самого леса, которая, простирая руки, двигалась в их направлении.

— Па, там зайчик, да? Ты его не раздави. Мы его догоним, да? Я хочу посмотреть, — подпрыгивала маленькая Янка, которой ничего не было видно за спинками сиденья и папиной спиной.

— Спокойно! Зайчики в норках, — бормотал папа, холодея от ужаса, по мере того как машина и белая фигура неумолимо приближались друг к другу.

— Привидение! — завопил Бронька, хватаясь за спинку переднего сиденья. — Пап, поехали назад!

Он зажмурился на мгновение, но так было еще страшнее. Он снова открыл глаза и увидел, что привидение было уже перед самой машиной. Оно мчалось большими прыжками, а не парило над землей, из чего следовало, что привидение особо злобное, и в этом месте его, видимо, убили много лет назад. Бронька поднял руку и стал судорожно креститься сам, а потом крестить привидение. Он

горько сожалел, что не носит нательного крестика, хотя сам он крещен, и обещал самому себе, что если они останутся живы, он непременно будет носить при себе и крестик, и восковую свечу — для чего-нибудь пригодится, — и маленький осиновый кол.

Броня подумал, что еще секунда, и привидение окажется в машине и пройдет сквозь них, или они пройдут сквозь него. Интересно, как это будет на ощупь. Будет ли оно влажное, как туман, или сухое, как дым...

Но привидение шарахнулось в сторону от машины. Папа с облегчением вздохнул, а Яна, которая все это время сохраняла полное спокойствие, встала на колени и стала смотреть в заднее окно.

— Бедный дяденька, как ему не холодно голенькому бегать, — посочувствовало она.

Папа с Броней оглянулись, и увидели, что с «привидения» съехала простыня, и за машиной теперь бежал совершенно голый человек, умоляюще протягивая руки.

— Ну и дела! — протянул папа, замедляя ход и раздумывая, останавливаться ему или нет.

— Это не привидение, — догадался Бронька с некоторым разочарованием.

— Папа, а зачем он голый? — поинтересовалась Яна.

— Па, останови, он, по-моему, живой, — азартно сказал Бронька.

«Он» был даже очень живой, потому что бежал необычайно резво, и при этом истошно кричал. Папа, наконец, пришел в себя и откинулся на спинку сиденья. Ох уж этот Бронислав со своими глупыми сказками. Надо, подумал он, все-таки контролировать чтение ребенка.

Он затормозил и, распахнув дверцу, высунулся из машины в ожидании, пока «привидение» подбежит поближе.

— Какие-то проблемы? — осведомился он, как будто бег по ночному лесу голышом сам по себе проблемой не являлся.

Человек, наконец, добежал до машины и пытался отдышаться, положив руку на дверцу и согнувшись пополам. Тут он сообразил, что на нем ничего нет, и смущенно присел на корточки, прикрываясь руками.

— Простите,... э-э-э... я... не могли бы вы довести меня до города?

— Пожалуйста, садитесь, — великодушно предложил папа.

— Тут, между прочим, дети, — саркастически заметил Бронислав, имея в виду Янку.

— И женщины, — наставительно добавила Янка, имея в виду себя.

— Ой, простите. Конечно... тут где-то была

простыня, кажется... вы не позволите за ней вернуться?

— Ладно, дуй быстрее, — нетерпеливо сказал папа, который начал раздражаться нелепостью этой сцены.

Человек резво помчался за упавшей с него простыней и подобрал ее примерно в двадцати метрах от машины. Он гордо закинул один ее край за плечо, и, прихрамывая, побежал обратно к машине. Папа дожидался его, распахнув дверцу и не выключая мотора. Человек с облегчением юркнул в машину, сел было рядом с Бронькой, и тут же скатился на пол, визгливо ойкнув.

— Бронька, ты не мог, что ли, кабачок с сиденья убрать? — не оборачиваясь, проворчал папа.

— Тут что-то липкое... — пробормотал человек.

— А это вы банку с вареньем опрокинули, — хмуро пояснил папа.

Человек еще раз ойкнул, и стал неуклюже извиняться, забираясь обратно на сиденье. Теперь половина заднего сиденья была вся измазана липким вареньем, а под ногами перекатывался треснувший кабачок. Бронька брезгливо отодвинулся от неуклюжего гостя. Наступила неловкая пауза.

— Костя, — вдруг хрипло сказала бывшее

привидение.

— Очень приятно, — с сарказмом ответил папа, отчаянно жалея, что посадил этого сумасшедшего в машину. Поразмыслив немного, он добавил:

— Валерий Павлович.

— Очень-очень приятно, — обрадовался «сумасшедший», поправляя на себе простыню. — Вы меня, пожалуйста, извините, я никак не могу прийти в себя.

— А что с вами случилось? — спросил изнывавший от любопытства Бронька.

— А вы всегда голенький ходите? — с любопытством присоединилась к расспросам Янка.

— Ну вот еще, — с негодованием отверг Костя. — Вы же не думаете, что я сам разделся в лесу?

— Ну, почему бы, собственно. и нет? — рассудительно ответил Бронька. — Сейчас нудистов всяких полно, может...

— Так холодно же!

Этот аргумент показался всем убедительным. Янка с Бронькой сочувственно воззрились на него, ожидая пояснений.

Костя не стал долго томить аудиторию. Из его рассказа следовало, что накануне вечером по дороге с работы домой его похитили, — попросту запихали в машину и увезли в какой-то дом в лесу.

Там с него сняли всю одежду, чтобы он не убежал, и заперли на втором этаже. Отсутствие одежды Костю не устрасило, и он доблестно бежал, прихватив с собой простыню. Повествование о том, как он бегал по лесу босиком по сосновым шишкам, разыскивая дорогу, могло составить конкуренцию Бронькиным страшилкам.

— Надо было покрывало с кровати прихватить, — сокрушался Костя, — а то замерз совсем.

— А что они от вас хотели? — поинтересовался Бронька.

— Ничего, — ответил Костя и попытался развести руками, но злополучная простыня опять с него сползла, и он стал смущенно натягивать ее на себя.

— Не стесняйтесь, дядя — поспешила утешить его Янка. — Мы все равно вас голеньким видели.

Костя тяжело вздохнул и сгорбился, не прислушиваясь к тому, как Валерий Павлович отчитывает Янку.

— Так не бывает, — вдруг заявил Бронька. Костя встрепенулся.

— Чего не бывает?

— Чтобы похитили и ничего не требовали.

— Так они вообще со мной не разговаривали, — пожаловался Костя. — Я уж их

спрашивал — спрашивал, — может ошибка какая, или денег им надо — нет, молчат и все. Даже когда уходили, и то не сказали, когда вернуться. А у меня же кот дома, его кормить надо.

— Странно, — задумчиво сказал Бронька.

— Уж ты бы чего понимал, — фыркнул Валерий Павлович. Они уже въехали в город, и его сейчас больше всего занимал другой вопрос — как он будет отмывать машину после учиненного Костей разгрома, и что скажет его жена Аля по поводу испорченного вареньем чехла. Он понятия не имел об участии сына в славном расследовании многочисленных покушений на Клеопатру Апполинариевну и в ее спасении, поскольку все дети сочли за благо родителям ничего об этом не рассказывать.

Больше всего они боялись, что их не пустят к тете Асе на дачу, а это было бы ужасно. Летнюю жизнь на даче у любимой тети не могло заменить ничто — даже отдых в Турции, куда Броньку не взяли этим летом. Зато туда взяли Янку, и она совсем не выражала восторгов по этому поводу. Море, конечно, — это здорово, но оно было далековато от отеля, и поэтому гораздо чаще приходилось купаться в бассейне. А прогулку на яхте Янка с удовольствием поменяла бы на ужин с привидениями у тети Аси на даче. А то, что привидения были изготовлены руками Броньки и

других ребят, делало их в сто раз милее.

В общем Бронька, имевший солидный опыт в расследованиях, как раз кое-что понимал. И его опыт подсказывал, что если человека похитили и не попытались убить, и даже ничего не потребовали — это более чем странно.

— А вас правда похитили? — восхищенно спросила Янка. — А домик был красивый? С балкончиком?

— С балкончиком, — машинально ответил Костя.

— Ой! — поразилась Янка. — Зачем же вы оттуда бежали? Я бы там жила...

— Хватит глупости болтать, — раздраженно сказал Валерий Павлович. — Вот что, дети, я вас сейчас отвезу домой, а потом завезу Костю.

— Как это?! — возмутился Бронька.

— Что как? Не может же он голым по городу бегать.

— Он не голый, а в простынке, — резонно возразила Янка.

— Я с тобой, — категорически заявил Бронька, не обращая внимания на Янку.

Валерий Павлович уже знал, что спорить бесполезно. Он давно читал «Ваш беспокойный подросток» многодетных и многострадальных американских супругов Байярдов — книгу «выживания» для родителей, чьи дети подростки, и

спорил с Бронькой только в случае крайней необходимости. Поэтому они подъехали к своему дому и, оставив измазанного вареньем Костю сидеть в машине, сдали маме брыкающуюся и вопящую Янку.

— Вы куда на ночь глядя? — никак не могла понять сонная Аля.

— Мам, нам некогда, у нас там мужик голый в машине сидит, — объяснил Броня и приготовился бежать вниз по лестнице.

— Он не голый, он в простынке, — яростно кричала Янка, изворачиваясь, чтобы вцепиться в Бронькину рубашку.

— Стойте, — взывала к ним ошалевшая Аля, — какой голый мужик? Валерий, у тебя дети, — увещевала она, отрывая орущую Янку от Броньки и запихивая ее в комнату.

— Алечка, — Валерию Павловичу почти удавалось перекрикивать Янкины негодующие вопли, — ты не волнуйся. Понимаешь, мы по дороге подобрали голого мужчину...

Броня увидел, что мамины глаза округлились от ужаса.

— Понимаешь, его похитили бандиты... — попробовал он выручить отца...

— Никогда! — воскликнула Аля, — никогда больше не разрешу вам ездить вечером за городом.

— Как ты думаешь, па, — ехидно заметил

Броня в спину отцу, несясь за ним вниз по лестнице, — что мама подумала о твоей сексуальной ориентации?

— У нее нет сомнений в моей сексуальной ориентации, — машинально ответил Валерий Павлович, запоздало размышляя о том, не слишком ли непедагогично будет дать своему сыну подзатыльник.

Спустившись вниз, они обнаружили приклеившуюся к машине соседку Августу Николаевну. Неугомонная старуха изнывала от возбуждения и возила носом по стеклу, громко допрашивая о чем-то незадачливого пассажира. Бедный Костя кутался в простыню, и что-то мямлил, стараясь стать меньше и слиться с липким сиденьем.

— Палыч, — увидев Валерия Павловича, радостно завопила она на весь двор. — А че у тебя мужик голый в машине сидит?

Бронька стал молча дергать дверцу машины.

— Августа Николаевна, вашу дверь там опять бродячий кот метит, — спокойно сказал Валерий Павлович, с удовлетворением наблюдая, как вредная бабка метнулась в подъезд.

— Я вам так благодарен, так благодарен, — забормотал Костя, когда машина вывернула на центральную улицу. — Просто не знаю, что бы я без вас... и как мне вас благодарить...

— Не вопрос, — энергично возразил Валерий Павлович. — Поможешь мне машину отмыть, да чехол от варенья отстирать, и все дела.

— Конечно-конечно, — закивал Костя.

Валерий Павлович с удовлетворением отметил, что Костя воспрял духом. Возможность хотя бы частично расплатиться за оказанную услугу и в самом деле его обрадовала — уж очень неловко он себя чувствовал из-за испорченных продуктов и испачканного чехла.

— А кабачок я вам куплю, — завел было Костя. — Вот только варенье..., — с сомнением почесал он было в затылке, но тут же был вынужден подхватить сползающую простыню.

— Ладно, не мельтеши, — благодушно оборвал его Валерий Павлович.

Перспектива мыть машину вдвоем заметно улучшила его настроение и он уже взирал на Костю без прежнего отвращения.

Ко всеобщему удивлению оказалось, что Костя живет в одном доме с Захаром Ильичем — добрейшим профессором-этнологом, соседом тети Аси по даче. Поэтому Костины акции повысились еще на один пункт.

— Большое спасибо, — еще раз с чувством произнес Костя, когда машина остановилась у его подъезда. — Завтра вечером я к вам обязательно приеду мыть машину.

И, бодро размахивая красной от варенья простыней, он направился к подъезду. Дойдя до него, Костя тут же развернулся и побежал обратно к машине.

— Валерий Павлович, — жалобно произнес он, — а вы не могли бы со мной до квартиры подняться? А то вдруг соседи... а я... — потянул он свое жутковато блестящее в лунном свете одеяния.

— Прикройся хоть простыней-то, — зашипел Валерий Павлович, вылезая из машины. — Размахался!

Костя смущенно стянул на себе простыню, и они все вместе вошли в подъезд.

— Хотел бы я посмотреть, как он откроет дверь, — прошептал Броня, когда они поднимались по лестнице.

— Не вижу проблемы, — пожал плечами Валерий Павлович.

— Да? — ехидно сказал Броня. — А где, интересно, у голого человека ключи от квартиры? Или, может, у него в простыне карманы?

Один-ноль, вынужден был признать отец. Костя, тем временем, подошел к двери своей квартиры, и, не переставая благодарить, попытался пошарить по тому месту, где у одетого человека обычно располагается карман. Взор его затуманился, и его с некоторым опозданием осенило, что возможность одеться и накормить кота

для него так же далека, как была в лесу.

— Вот черт, — топнул он босой ногой, чуть не плача. — У меня и кот весь день голодный! — Он пнул дверь ногой. И тут произошло неожиданное. Дверь под его ногой поддалась и приоткрылась. Пока Костя в ошоломлении смотрел на нее, из квартиры выскочил мужчина в одних брюках и промчался мимо них вниз. Вернее, рубашка на нем тоже была, но прикрывала она вовсе не его торс, а была накинута на голову, вероятно, чтобы прикрыть лицо.

— Послушай, парень, — после недолгого молчания вкрадчиво спросил Валерий Павлович. — Ничего, что мы с сыном тут одетые стоим? А то, может, сегодня международный день голых людей, а я ничего не слышал?

— Ни... Ничего, — прошептал Костя с таким идиотским видом, что Валерий Павлович только махнул рукой.

Бронька, тем временем, потихоньку стал просачиваться в квартиру, почуяв приключения. Не хватало, конечно, Ирки и Владика, — без них он чувствовал себя очень маленьким и потерянным. Но зато потом он им расскажет, как он бесстрашно...

И тут он почувствовал чье-то присутствие в коридоре. Бронька сжался, впервые в жизни почувствовав настоящий страх. Костя с отцом были

еще на лестнице, а неумолимый враг постепенно приближался — Бронька слышал его вкрадчивые шаги и тихое дыхание. Вдруг что-то бросилось на него из темноты, и Бронька отчаянно заорал.

В коридоре вспыхнул свет, и Костя стал отдирать от куртки перепуганного Броньки не менее перепуганного рыжего кота.

Смущенный Бронька тут же принял деловой вид, в тщетной надежде, что взрослые подумают, что орал не он, а кот.

— Ну, давайте посмотрим, — солидно произнес он, — что в квартире пропало. Учитывая недавнее проникновение.

Последняя реплика показалась ему особенно удачной.

Отец выразительно посмотрел на него, но послушно прошел в квартиру. Костя же никак не мог оторваться от кота, причитая над ним в коридоре.

— Эй, жертва нападения, — позвал его Валерий Павлович. — Иди-ка посмотри, что у тебя на кухне делается. Или у тебя тут всегда так?

Костя, очнувшись, пошел на кухню, прижимая к груди недовольного кота.

На кухне царил полный и удручающий разгром. Из шкафчиков, ящичков, и даже из мусорного ведра все содержимое было высыпано на пол. Но самым непостижимым было то, что на

кухонном столе аккуратно были составлены в ряды пустые банки из-под пива, кока-колы, спрайта и прочих освежающих напитков.

Первым на банки обратил внимание, конечно, Броня.

— Это — коллекция? — поинтересовался он.

— Нет, — растерянно смотрел Костя. — Я и не знал, что их у меня столько. Моя бывшая... э-э-э... подруга хотела плотик из них сделать. Но я почти все выбросил, а эти, наверное, где-то в глубине стояли. Странно как-то... Может, они мне послание оставили? Зашифрованное?

— Вот что, Пинкертоны, — решительно прервал их увлекательный разговор Валерий Павлович. — Вызываем милицию. А ты, Костя, осмотри пока комнаты. Пропало у тебя, наконец, что-нибудь, или нет?

Не снимая простыни, Костя торопливо пробежался по комнатам.

— Все цело, — удивленно сказал он, — не тронута даже.

— Не успели, — со знанием дела заявил Броня. — Костя...

— Дядя Костя, — авторитетно поднял указательный палец Валерий Павлович.

— Дядя Костя, — послушно повторил Броня, тоже поднимая свой пухленький палец. — А кроме простыни вы что-нибудь иногда носите?

— Вот именно, — заметил Валерий Павлович. — Или хотя бы простыню смени. Очень уж на ней варенья многовато.

Варенья на простыне осталось совсем немного — значительная его часть перешла на кухонный стол и стены коридора, возле которых Костя обнимался с котом. Но, тем не менее, Костя, опомнившись, побежал в спальню, и к приезду милиции вышел из нее в довольно приличном облачении. В обтягивающих джинсах и джинсовой рубашке он оказался вполне симпатичным мускулистым молодым человеком. Броня с завистью обратил внимание на его подтянутый живот, дав себе в очередной раз слово заняться спортом.

Милиция приехала на удивление скоро. Плохо скрывая недовольство по поводу вызова, который они считали ложным, — ведь ничего не пропало и никого не убили, — два сонных милиционера вяло посоветовали сменить замок в двери, и собрались уезжать.

— А отпечатки пальцев? — возмущенно остановил их Броня.

— В самом деле, — удивился Валерий Павлович. — Что-то вы, ребята, того... Сегодня мы их спугнули. А если они еще раз полезут?

— Да вряд ли их отпечатки есть в милиции, — оправдывались милиционеры, — на дилетантов

похоже.

— Зато мои отпечатки есть, — гордо протянул ладони Броня.

Костя удивленно взглянул на него.

— Ты что, рецидивист? — усмехнулся один из милиционеров, доставая краску и валик для снятия отпечатков пальцев.

— Свидетель, — гордо ответил Бронислав.

Домой приехали около часу ночи. Янка давно спала, а Аля преданно ждала их на кухне, завернув в старую куртку пюре, чтобы оно не остыло, и засунув в микроволновку котлеты.

— Мам, — горестно повествовал Бронька, поедая котлеты. — Я так по Ирке с Владиком соскучился. Из-за этой проклятой школы я их теперь до каникул не увижу, что ли? Они даже не позвонили ни разу. Родственнички, называется, — обиженно бубнил он.

— А вот и звонили, — сказала мама. — А ты, родственничек, сам им ни разу, между прочим, не позвонил.

Бронька от радости перестал жевать, вопросительно глядя на маму.

— У Клеопатры Апполинариевны в субботу новоселье, — пояснила она. — Владик с Иринкой интересовались, придешь ли ты туда.

— А мы идем? — просветлел Бронька.

— Конечно. Так что думай о подарке.

По поводу подарка возникли некоторые разногласия. Бронька настаивал на широкополой шляпе, считая, что для Клеопатры Апполинариевны шляпа лишней в принципе быть не может, а родители, бессовестно используя привилегии старшинства, приобрели для нее совершенно бесполезный и скучный кухонный комбайн.

Клеопатра Апполинариевна купила квартиру на деньги, доставшиеся ей в наследство от деда, в новом доме недалеко от тети Аси.

Дверь открыла сама виновница торжества, сияющая и счастливая. Ее длинное черное платье свидетельствовало о том, что в свои семьдесят лет она не совсем потеряла интерес к жизни и готова к свершениям.

Из-за ее плеча выглядывали Иринка с Владиком. Владик еще больше похудел и вытянулся, а Иринка, как с неудовольствием заметил Бронька, полностью потеряла подростковую угловатость и превратилась в милостивую элегантную девушку.

— Ах, Бронечка, — защебетала Клеопатра Апполинариевна, счастливая оттого, что находится среди всех горячо любимых ею людей. — Как ты вытянулся за месяц, Боже мой! Ах, какая прелесть, это просто моя мечта!

Ее последнее замечание уже относилось к кухонному комбайну, который она нежно прижала к груди.

— Пойдемте же, я покажу вам квартиру. Мы ее вместе с Асенькой обставляли. Вот, видите, какой симпатичный диванчик! А это — полочка!

Семейство Куликовых — Валерий Павлович, его жена Аля и Бронислав с Янкой, — видели, что это — действительно диванчик, а там — без всяких сомнений, полочка. Но квартира была обставлена на редкость уютно, и все трое восхищались и диванчиком в желто-синюю клетку, и полочкой с затемненными стеклами над ним, и новым телевизором, и зеркальным шкафом-купе в прихожей.

— Розочки, — восхищенно шептала Янка, тыча пальчиком в цветущие фиалки на подоконнике.

— Ну, как вам квартирка? — гордо спросила появившаяся из кухни тетя Ася. Гордость ее была понятна, поскольку район, квартиру и мебель выбирала в основном она, предоставив самой Клеопатре Апполинариевне лишь восхищаться ее практичностью и вкусом.

— Привет, Асенька, — обняла свою старшую сестру Аля. — До чего ты умеешь создавать интерьер. Поменяла бы профессию, что-ли.

Тетя Ася была переводчицей в литературном

агентстве и переводила любовные романы. Это было предметом постоянных подшучиваний со стороны Владика, который всякую любовную дребедень в принципе презирал и не упускал случая об этом громко заявить. Поэтому при упоминании о профессии обе грозно на него взглянули.

— Вообще молчу, — сообщил он на всякий случай из-за Иркиной спины.

В гостиной был накрыт стол, и тети Асина сестра Катюша безуспешно сзывала всех к столу. Но гости были заняты изучением тети Асиной дизайнерской находки — зимнего сада в углу Клеопатриной спальни. Дима Солнцев — он же Катин муж и отец Владика и Иринки, — любовно расставлял напитки. Собрались не все — ждали тети Асиного сына Сашу с его женой Натусей, и милейшего Захара Ильича с супругой.

Дети же пока уселись вокруг шахматного столика в гостиной и напряженно внимали Броньке, который, не жалея красок, расписывал свои недавние приключения.

— То есть его похитили, чтобы порыться в квартире, но он вернулся раньше, чем его ожидали, — заключила Ирка. — С банками как-то странно.

— А я слышал, — округлил глаза Владик, — у нас в классе один мальчик был этим летом в Англии у знакомых. И эти самые знакомые владеют

магазинчиком всяких шпионских штучек. Так он там как раз видел такие как бы использованные банки из-под кока-колы, а у них крышечка аккуратненько так отвертывается, и на самом деле это — тайник.

— Здорово, — восхитился Броня. — Значит можно эту баночку спрятать в мусоре, и никто не догадается в нее заглянуть.

Раздался звонок в дверь и все дружно двинулись в прихожую встречать Сашу. Но это оказался не Саша, а смущенный Захар Ильич. На одной руке у него висела его супруга, Нина Федоровна, а другой рукой он судорожно сжимал продолговатый сверток.

Клеопатра Апполинариевна кокетливым жестом поправила прическу, а Захар Ильич восхищенно смотрел на ее платье.

— Добрый день, — вымолвил он, с видимым удовольствием отметив отсутствие калош, которые она практически не снимала летом в деревне, и улыбаясь выглядывавшим из-за ее плеча детям и тете Асе. — А где же Александр?

— Вот-вот придет. Проходите, Захар Ильич, Нина Федоровна, как я рада вас видеть, вы не представляете, у меня в городе так мало знакомых. Спасибо Асеньке, не оставляет меня... — без умолку говорила Клеопатра Апполинариевна, пока супруги раздевались в прихожей.

— Все к столу, — решительно провозгласила тетя Ася. — Не будем Саньку ждать, у нас горячее... — ...не успеет остыть, как я съем все твои салаты, — договорил Саша, бесшумно материализовавшийся в прихожей вслед за профессорской четой.

— Ах ты, обжора, — умилилась тетя Ася. — А где же Натуся?

— Раз, два, три, — ап! — торжественно распахнул дверь на лестничную клетку Саша. И все увидели большую картину, изображавшую дом в деревне с огромными мальвами в палисаднике. Позади него поблескивала река, к которой вела живописная дорога.

— Так это же ваш дом, — удивился Броня. — Как две капли воды. Правда, тетя Клео?

Тут картина зашевелилась и из-за нее выглянула возмущенная Натуся.

— Санька, я тебе жена или... или кто?! Жду-жду, пока он картину у меня из рук возьмет, а он тут любится, эстет несчастный!

— Ох! — воскликнула тетя Ася. — Натуся!

— Ну конечно, — Натуся продолжала делать вид, что обиделась. — Я же не картина, меня так сразу и не заметишь.

— Сашенька! — восхищенная Клеопатра Апполинариевна не могла отвести от картины глаз. — Это же мой дом! Я его над диваном

повешу.

— Мальвочки! — восхитилась Янка, которая в этот вечер проявляла удивительную любовь к растениям.

Гордый Саша, приняв картину из рук жены, проследовал прямо к салату оливье.

— Ну, давай уже свой подарок, — толкнула Нина Федоровна супруга. — Раз уж сам выбирал.

Захар Ильич восторженно и, наконец, вручил Клеопатре Апполинариевне свой подарок. Это оказался подсвечник — точная копия тех старинных подсвечников, которые украшали тети Асин стол во время памятного ужина с привидениями.

Ко всеобщему восторгу он был тут же поставлен на стол, и Саша стал громко требовать горячее.

Дети сели поближе к Захару Ильичу в надежде завести с ним разговор о Косте, жившем в его доме. Профессор же увлекся разговором с Натусей, которая громко повествовала о чудесных речных порогах, преодоленных ею позапрошлым летом.

— Вы не представляете, какая там красота, — захлебывалась от восторга Натуся. — Недаром «порог» по-английски — «белая вода». Вода там так и кипит, так и кипит. Мы там так классно перевернулись на байдарке. Саша, помнишь, как мы

тебя из-под лодки вылавливали? Ты еще в рюкзак вцепился, так тебя с ним и достали. Мы обязательно снова сплавимся, да, Сань?

— Ага, — встряла Янка, — и я!

— Ты, между прочим, будущая мать, — шипел муж. — Позволь тебе напомнить, что через четыре месяца...

— По какой, говорите, реке вы сплавлялись? — задумчиво произнес Захар Ильич.

У Нины Федоровны округлились глаза, а Владик с восторгом толкнул Броню в бок.

— Он, по-моему, тоже сплавляться хочет, — с восторгом шепнул он. — Ну и старикан!

Наконец, объевшийся Захар Ильич выбрался из-за стола и уселся в уголочке возле шахматного столика. Он в душе был очень азартен, и дети, которые летом с удовольствием играли с ним в карты, предложили ему поиграть в шахматы.

— Так-так, а мы вас пешечкой, — потирал руки Захар Ильич.

— А мы вас — лошадю, лошадю — кричал раскрасневшийся Владик.

— Вообще-то я играю, — возмущался Броня. — Нечего подсказывать. Владька, поставь лошадь, то есть коня, на место!

— А мы вам — шах! — обрадовался Захар Ильич.

— Это Бронькиной-то ладьей? — удивилась

Ирка.

— А правда, — встрял Владик, — что в вашем подъезде живет такой один Костя?

— Он еще голеньким по лесу бегал, — решила пояснить маленькая Янка.

— Костя? — переспросил профессор, рассеяно вертя в руках Брониного коня. — Да, есть такой. Действительно один. Очень приятный молодой человек. Та-ак-так, вы, значит, вывели ферзя.

— А вы его знаете? — продолжал Броня, ставя на место слона, которого Захар Ильич нечаянно смахнул рукавом.

— Знаю-знаю, — рассеяно ответил Захар Ильич, шагая королем через три клетки. — А что?

— Мы с папой его подвозили его недавно, — объяснил Броня, — Его похитили, а он бежал, представляете?

— Похитили-похитили, — горестно бормотал профессор, рассматривая своего загнанного в угол короля.

Тетя Ася решила, что ей пора вмешаться. Профессор по-детски переживал свои поражения, и ему срочно требовалась моральная поддержка. На Нину Федоровну, которая зажала в уголке Диму с Катюшей и перечисляла им список научных трудов своего супруга, было мало надежды.

— Ну что, Захар Ильич, — подошла она к

столику. — Накинулись трое на одного?

— Они мне тут каким-то Костей голову морочили, — пожаловался профессор. — Кстати, зачем — голеньким по лесу? И зачем вы его похитили?

— Да не мы же, — в отчаянии закричал Владик.

— Мы, наоборот, его спасли, — пояснил Бронька.

— Между прочим, он с вами в одном подъезде живет, — внесла ясность. Иринка Детям пришлось рассказывать всю эпопею еще раз. У тети Аси загорелись глаза.

— Кто-то что-то спрятал в банке, — уверенно сказала она. — А теперь ищет. Вот будет номер, если это — какое-нибудь кольцо с бриллиантом, а Костя его выкинул.

— Это, наверное, Света спрятала, — вдруг сказала Нина Федоровна.

Дети, да и все прочие, настолько не ожидали услышать от Нины Федоровны что-то разумное, что все на мгновение замолчали, рассматривая Нину Федоровну с внезапно пробудившимся интересом.

— Так, — уточнил Саша. — Кто у нас Света?

— Бывшая невеста Кости. Он ее выгнал, — взхлеб начала рассказывать Нина Федоровна. Оказывается, все это время в профессорской жене дремала классическая сплетница.

— Представляете, — продолжала она, наслаждаясь всеобщим вниманием. — Когда мы с Зариком, — отдыхая от наших научных исследований, — гуляли вдоль аллейки у нашего дома, мы ее несколько раз встречали. Так она — Какие у тебя научные исследования, Ниночка? — изумленно спросил Захар Ильич.

— Я, между прочим, твоих древних скифов тоже изучаю, — оскорбленно ответила супруга.

— Как? — поразился профессор.

— В твоих статьях много картинок, — не моргнув глазом, объяснила та. — Так вот, эту, с позволения сказать, невесту, мы несколько раз встречали. Так она даже не знала, что мой Зарик — профессор, представляете?

— Да уж, — засмеялась Ирка. — И о скифах ничего не знала?

— Какие скифы, дорогая, — махнула рукой профессорша. — И Костю она презирала. Не готовила для него, не убирала, не ходила по магазинам, не гладила ему рубашки...

— Ниночка, да у него и рубашек нет — одни футболки да свитера... — поспешил восстановить справедливость профессор.

— Вот я и говорю, не гладила...

Ирка представила, как Нина Федоровна стоит у замочной скважины, собирая сплетни о соседке. Представить это было несложно. Но такая

метаморфоза жены профессора показалась Ирке невероятно смешной, и она вышла в кухню похихотать. Там она столкнулась с Натусей, резавшей торт. Несмотря на страсть к походной жизни, она все-таки была очень домовитой хозяйкой, на радость Саше.

— Натуся, — промурлыкала она. — Как я по тебе соскучилась. А вот ты ребеночка родишь, он мне будет кто?

— Мне бы для начала выяснить, ты-то мне кто, — задумчиво почесала Натуся затылок рукояткой ножа. — Да какая разница. Родственник он тебе будет, понятно? — ласково «объяснила» она, целуя девочку в завитки на лбу.

— Кажется мне, — проговорила Ирка, — что Бронька с Владиком сунутся копать Костину историю, как ты думаешь?

— Вообще-то любопытно, что там искали, — кивнула головой Натуся. — Я бы сама хотела узнать, да нельзя, положение обязывает. Санька теперь мне не позволит никуда нос совать.

— Если хочешь, — предложила Ирка, — я для тебя поузнаю. Костя завтра придет к Куликовым машину мыть, могу и я к ним заглянуть. Может, у нас идея какая-нибудь родится.

— Поузнавай, — засмеялась Натуся. — Ты, наверное, не меньше мальчишек любопытством мучаешься. Так что давай, действуй, если мама с

папой разрешат.

— Разрешат! Я им столько пятерок из школы натаскала, что свинство было бы не разрешить.

Мама с папой действительно разрешили дочери отправиться в воскресенье к Куликовым. Тем более, что мама и тетя Ася тоже решили встретиться у Али дома.

Сестры обменивались новостями на кухне, стряпая пельмени, Валерий Павлович спасался от дамского трепа в кабинете за компьютером, делая вид, что пишет лекцию — он преподавал психологию в одном из коммерческих вузов. На самом же деле, развернув монитор к себе, он с упоением играл в Звездные войны. Хотя, когда вкусный пельменный запах стал щекотать его ноздри, он начал считать, что обилие женщин в доме — не так уж плохо, и, вообще в восточном институте многоженства явно что-то есть.

Дети же, получив в распоряжение большую куликовскую квартиру почти что целиком, вначале вели светскую беседу, обмениваясь школьными новостями. Ирка снисходительно слушала Бронькин рассказ о том, как он хитроумно удрал из женского туалета, в котором его коварно заперли девочки, пообещав показать мадагаскарского таракана. Таракан оказался ненастоящим, а пластмассовым, и выскакивал из спичечного

коробка на пружинке прямо на руку. Бронька позорно заорал и, пока он тряс рукой, девочки втолкнули его в кабинку туалета и заперли снаружи.

Бронька не растерялся, и, правильно рассчитав, что его реакцию слушают снаружи, сообщил, что на полу валяется классная губная помада, которой можно прекрасно рисовать на стенках.

— Сейчас бегемота нарисую, помады как раз хватит, — сообщил он в пространство. Дверь кабинки тут же распахнулась, и его выволокли наружу.

— Вот они разозлились, что помады-то не было, — заключил Бронька. — Правда, они со злости снова меня туда пытались втолкнуть, но тут пришла уборщица и всех разогнала. А Костя вон идет, — добавил он, глядя в окно.

— Не в простынке, — удивилась Янка, встав коленками на кресло у окна.

— Не обманул, значит? — обрадовался Валерий Павлович.

— Вы ему, наверное, сказали, что пельмени будут, — заметил трезвомыслящий Владик.

Костя явился во всеоружии — с автошампунем, губками, и мечтой автомобилиста — тележкой на колесиках для лежания под машиной.

— Ну ты даешь! — восхищенно сказал Валерий Павлович, рассматривая тележку. — Где взял?

— Сам сделал, — гордо ответил Костя.

— Это мне? — не веря своему счастью, уточнил Валерий Павлович, и получил горячие уверения в том, что он, как Костин спаситель, пострадавший при перевозке Кости на кабачок, банку с вареньем и испачканные вареньем чехлы, может вечно рассчитывать на его, Костину, безмерную благодарность и скромные конструкторские способности.

Валерий Павлович растаял и на радостях стал шумно приглашать Костю отобедать перед мытьем машины, громко негодуя по поводу медлительности женщин на кухне. На одну только секунду он почувствовал себя владельцем гарема, и тут же горько в этом раскаялся. Тетя Ася немедленно вручила ему мусорное ведро, родная жена послала в магазин за майонезом, а Катюша, поинтересовавшись, есть ли в доме Куликовых мужчина, выразила желание, чтобы кто-нибудь немедленно поточил все кухонные ножи,

Мысленно посочувствовав всем восточным владельцам гаремов — о, многотерпеливый мусульманский народ! — Валерий Павлович помчался в магазин, дав себе зарок впредь как можно меньше напоминать о себе.

Дети же взяли Костю в тесное кольцо и повели в Бронькину комнату. Костя, несколько ошалевший от такого количества бесцеремонных детей, вежливо здоровался, глупо спрашивал, как у них дела в школе, чем совершенно уронил себя в их глазах.

Когда из кухни выскочила перепачканная мукой тетя Ася и категорически потребовала без нее и прочих сестер не начинать, Костя решил покориться судьбе и терпеливо ждал, пока кто-нибудь ему объяснит, чего от него, собственно, хотят. Поначалу он порывался бежать к машине со своими губками и автошампунем, но все так возмутились, что больше он уже не открывал рот.

— Сейчас придет дядя Валера, и вы все расскажете с самого начала, — строго сказал Владик.

Костя закрыл глаза и стал медленно считать до десяти.

— А вы не простудились тогда голенький? — решила проявить участие Янка.

— Да он так бежал, что ему вовсе не было холодно, — пояснил Бронька, глядя снисходительно на Янку поверх Костиной головы.

До десяти мало, — подумал Костя и решил считать до ста.

— Да уж, голым забегаешь! — согласился Владик. Костя тоскливо посмотрел на дверь. Потом

потянул носом, услышал бречание тарелок на кухне, и решил, что жизнь не так плоха. Однако когда раздался звонок в дверь, возвещающий о возвращении Валерия Павловича, он не стал скрывать облегчения. Отец этих двух невыносимых детей спасал его во второй раз.

Из кухни навстречу ему вышли три похожих друг на друга женщины.

— Все к столу, — объявила старшая, принимая из рук Валерия Павловича майонез и пакет с какими-то бутылками.

— Ой, Валерочка, сообразил, молодец, — обрадовалась симпатичная женщина в джинсах и широкой кофейной блузке поверх них.

— А нам Фанту? — тревожно спросила Янка.

— Купил, купил, — успокоил ее отец. — Им лимонад если не купишь, то и нам выпить не получится, — пояснил он Косте. — Такой митинг о правах детей устроят, только держись.

Пытаясь разобраться, кем приходится Валерий Павлович этим трем женщинам, Костя не заметил, как оказался в ванной. Он послушно вымыл руки, вытер их розовым полотенцем, которое ему подала самая грозная из женщин, велевшая без них не начинать, был отведен на кухню и усажен между Валерием Павловичем и третьей женщиной, в светлых брючках и мягком свитерке.

В огромной, но очень уютной кухне стол был выдвинут на середину.

На столе стоял салат из помидоров, какие то консервы и колбасы, а в блестящей цептеровской кастрюле на плите аппетитно булькали пельмени, распространяя неземной аромат. Костя воспрял духом и потянулся за салатом.

— Валер, это и есть твой голый мужик? — энергично спросила та, что в джинсах.

Костя уронил ложку обратно в салат.

— По-моему, он вполне одетый, — захохотала старшая.

Янка и Бронька тоже гнусно захихикали.

— Ну Аля! Дети! — укоризненно сказал Валерий Павлович.

— Могу и опять раздеться, если вам это так уж смешно, — оскорбился Костя и стал потихоньку выбираться из-за стола, размышляя, стоит ли ему окончательно обижаться и лишаться пельменей.

— Тетя Ася, он же к нам еще не привык, — укоризненно сказала симпатичная девочка-подросток, пододвигая к Косте блюдо с салатом. Костя молча уселся обратно, не зная, как вести себя в этой сумасшедшей семье.

— Ладно, выну-ка я пельмени, — добродушно сказала тетя Ася. — А вы пока, Костя, разомнитесь салатиком.

«Размявшись» салатиком, Костя набросился

на пельмени, с удивлением обнаружив, что привычные ему магазинные пельмени и то, что лежало сейчас перед ним в тарелке — абсолютно разные блюда. Он даже закрыл глаза от удовольствия, прислушиваясь, как невероятно ароматный сок выливается ему на язык.

— Ага, — прокомментировала Аля, глядя на него. — Девчонки, пельмени, кажется, удались.

Костя открыл глаза и увидел, что все три женщины с напряжением смотрят на него.

— Сказка, — решительно объявил он. — Таких я даже у бабушки не ел!

— Ура! — закричали все трое.

Вся компания оживилась, и Валерий Павлович откупорил бутылки.

— За бабушку, — провозгласил он.

Костя с удивлением обнаружил, что обида ушла и ему вполне уютно среди этих шумных и бесцеремонных людей.

— Ну, давайте, — скомандовал Броня, разливая себе и другим детям Фанту, — дерните с отцом водочки и рассказывайте все по порядку.

«Дернули» водочки, и Костя откинулся на стуле.

— Давайте лучше, — предложил он, — вы спрашивайте, а я буду отвечать. Потому что Валерий Павлович же все видел.

— И мы, и мы, — напомнила Янка.

— Костя, — мягко начала та, что в светлых брючках. — Вы имеете представление о том, что у вас в квартире искали?

— Да, искали-то что? — Владик даже приподнялся на стуле и стал напряженно вглядываться в Костино лицо в ожидании ответа.

— Понятия не имею! — горячо заговорил Костя. — Сам все время об этом думаю. Понимаете, всю квартиру обыскал, — ничего не пропало, хоть убей!

Похоже, он очень расстраивался из-за того, что ничего не пропало.

— Даже мелочи всякие, — бумажки, квитанции, деньги — все на месте. Я думаю, может, это Светкино что-нибудь искали? Но тогда странно, что она сама не позвонила. Я бы ей сразу отдал. Очень мне надо ее барахло в своем доме держать!

Валерий Павлович, которого до этого ничего, кроме мытья машины, в этой истории не интересовало, потихоньку заражался всеобщим азартом.

— Так, — сказал он. — О Свете — поподробнее, пожалуйста. Насколько я мог судить, человек, который выскочил из твоей квартиры, был вовсе не Света.

— Не Света! — вздохнул Костя. — А Света могла у тебя что-то спрятать?

— Могла. Она все могла.

— И нет! — вдруг заявила Янка, попивая Фанту. — Не все!

И, довольно оглядывая уставившихся на нее взрослых, заявила:

— Она рубашки гладить не могла. Потому что их у вас нет.

— Ну да, — растерянно сказал Костя. — А остальное — все могла. И замки в моих дверях сменить, меня не предупредив, и утащить куда-то мой винчестер от компьютера, и лезть в дверь, когда ее гонят в окно, то есть тьфу, наоборот, — разгорячился Костя. — Я знаете, как от нее избавился?

Тетя Ася внимательно слушала, облокотившись об стол.

— Это было трудно?

— Еще как! Пришлось бабушку из деревни привезти.

— Это помогло? — удивленно подняла брови Катюша.

— Еще бы! У нее знаете, какой характер — любой по струнке ходить будет. Даже если не по струнке, все равно никакие нервы не выдержат с ней постоянно в одной квартире находиться. Она Светкины вещи упаковала и на лестницу выставила. Светка поскандалила-поскандалила, да и ушла в конце концов. А сколько времени прошло, пока я бабушку обратно в деревню уговорил уехать...

легче джинна обратно в бутылку запихать.

Броньку все это мало интересовало, да и Владика тоже. Они переглянулись, и недипломатичный Владик махнул рукой:

— Ладно, это вы потом как-нибудь расскажете. А вот кем она работала, куда потом ушла, какие у нее знакомые?

Валерий Павлович от удивления положил вилку с пельменем обратно в тарелку.

— Ну ты, племянничек, и махнул! Спектр вопросов у тебя, того... не в бровь, а в глаз.

— Э-э-э... работала воспитательницей в детском саду, но прирабатывала по вечерам набором и распечаткой на компьютере — моем компьютере, заметьте. Ушла к какому-то мужику, у него вдруг квартира большая в центре города нарисовалась. То ли по наследству, то ли он смухлевал что-то. Какие-то дети там были замешаны. Вот он и был ее знакомый, — четко, по пунктам доложил Костя.

— Профессия у нее самая садистская, — заметила Ирка.

— Конечно, садистская, раз в садике работает, — согласилась Янка.

Косте уже совсем не казалось странным, что инициативу в разговоре перехватили дети, причем никто из взрослых не призывает их к порядку. Даже Янка, эта мелочь пузатая, и та без конца встревает в

разговор, и, похоже, тут всем это кажется нормальным.

— Мамуля, еще пельменьчиков, — протянула Янка тарелку той, что в светлых брюках.

— И мне, Катюш, — попросил Валерий Павлович.

Костя стал потихоньку разбирать, кто есть кто. Тут раздался звонок в дверь, и в квартиру ввалилась невероятно шумная компания. Сидя на кухне и слушая, как им бурно радуется и приглашает на кухню тетя Ася, он решил, что пришло как минимум человек семь. Однако в кухню вошли всего двое — круглолицый довольно пузатый молодой человек, не очень красивый, но с очень обаятельными живыми глазами, и спортивного вида молодая женщина.

Молодой человек приняховался, смешно шевеля носом и потирая руки.

— Мам, ты их сама делала? — оживленно спросил он у тети Ася.

— Санька, негодяй, — возмутилась Катюша. — Ты нам совсем не доверяешь!

— Доверяет-доверяет, — успокоила Натуся. — Хлеб там порезать, колбаску...

— Нет, девушки, — объяснил Саша. — Вы мне спокойно можете печь пироги, готовить что угодно, но пельмени — это мама, она слово знает.

Пока «девушки» возмущались, Сашин взгляд

упал на Костю.

— Ты, наверное, Константин? — дружелюбно спросил он.

— А... что, уже все всё про меня знают? — спросил Костя, замирая от предчувствия, что опять начнутся комментарии о его скитаниях голым по ночному лесу. «Я был не голый, а в простынке», — чуть было не повторил он Янкины слова, но в них, слава Богу, не было необходимости.

— Мы с Сашей тут думали-думали, — обратилась к нему Натуся, — и придумали.

Костя посмотрел на нее совершенно ошалевшими глазами, пытаясь хотя бы приблизительно представить себе, кто еще «думал-думал» о его проблемах. Вообще-то он жил один и думал за себя всегда сам. Поэтому свыкнуться с таким массовым обсуждением его проблем было для него пока трудновато.

— Жаль, ребята, что вы Фанту в пластиковой бутылке, а не в металлических баночках купили, — заметил между тем Саша.

Наступила пауза, потом Ирка возбужденно подскочила на стуле.

— Саша, ты гений! — закричала она.

— Да? — вежливо сказал Костя.

— Чур, я с вами пойду! — прозрел вдруг и Бронька.

— Вы чего, а? — вертел головой Владик. —

Вы куда, а? Я тоже с вами, — на всякий случай сказал он.

— Куда? Зачем? — растерянно повторяли Аля и Катюша.

— Здорово! — восхитилась тетя Ася. — А ты пойдешь, Костя? Только Клео не говорите, а то она тоже пойдет, а в ее возрасте...

— Я-то ей точно ничего не скажу, — осторожно сказал Костя, который с этой замечательной дамой был пока незнаком. — А в чем, собственно...

— Только надо набрать побольше банок, — азартно сказала Ирка. — И не надо с этим тянуть.

— Стоп, стоп, — неожиданно громко и решительно сказал Саша. — Сколько вас, собственно, собирается при этом присутствовать? Вы опять у меня дело в игрушки превращаете?

— Я могу не присутствовать, — поспешно сказал Костя. — Я не собираюсь превращать дело в игрушки, ни в коем случае.

— Ну вы даете, — усталились на него дети. — А кто же его кроме вас узнает?

— Да кого узнает-то? — возопил, наконец, Костя. — Кто-нибудь что-нибудь объяснит, в конце концов? Банки какие-то... Куда идти-то?

Вздыхнув, Натуся принялась излагать план. Валерий Павлович, который до этого с умным видом сидел, откинувшись на спинку стула, делая

вид, что ему все ясно, склонился над столом и стал внимательно слушать.

Про мытье машины в этот вечер никто не вспомнил.

Следующие два дня собирали банки, настрого запретив Косте приближаться к помойке. Дети дежурили в переменах в школе у буфета, жадно высматривая тех, кто покупал напитки в банках. Их одноклассники торопливо их допивали, недоуменно посматривая на Ирку, Броню и Владика, которые жадно вглядывались в банки, провожая взглядом каждый глоток. Потом эта троица выхватывала банки у них из рук, обыскивала урны, и к концу пятого урока они набрали два больших пакета. В школе пронесся слух, что выпущена партия банок, в которые случайно попало не то золото, не то платина, и эти банки сейчас срочно скупают у населения, по доллару за штуку. Был даже указан адрес.

Со школьного крыльца ребята сошли в одиночестве. Буфетчица потом долго рассказывала, как обезумевшая толпа старшеклассников после уроков сметала с полок все напитки в банках.

— И, главное, компот предлагаю — не пьют, — удивлялась она.

Вечером Костя позвонил в дверь Куликовых.

— Машину-то не помыли, — напомнил он

Валерию Павловичу, доставая губки и автошампунь.

— Может, чайку? — приветливо пригласила вышедшая навстречу ему Аля.

— Нет-нет, спасибо, — поспешно отказался Костя. — Пойдемте лучше машину мыть, а? — умоляюще посмотрел он на Валерия Павловича.

— Пойдем-пойдем. — обрадовался он, — вот только пакеты с банками заberi. Аля, где банки?

— На кухне в углу лежали, — растерянно произнесла Аля, глядя в пустой угол. — Броня, — позвала она сына из комнаты. — Ты пакеты с банками не перекладывал?

— Потеряли! — взвыл он, выбегая из своей комнаты. — Я же сам, своими руками, — потрясал он коротенькими пухлыми ручками, — их в этот угол сложил! Ну, мам, ну пап, ничего вам доверить нельзя!

— Мы ничего не трогали, сынок, — клятвенно прижал руки к груди Валерий Павлович. — Сам удивляюсь.

— Яна! — строго позвала Аля. — Признавайся, куда ты банки утащила?

Янка молчала. Аля вбежала в ее комнату и остановилась в дверях. На кровати, посапывая, сном ангелочка спала Янка. Аля растерянно поискала глазами пакеты но, ничего не найдя, вышла из комнаты.

— Чудеса, — пожалала она плечами. — Пакеты с банками сами по себе пропадают, ребенок вдруг сам по себе укладывается спать, что еще более странно.

— Мы в гараж, — поспешно сказал Валерий Павлович и они с Костей торопливо покинули квартиру, оставив Алю разбираться с негодующим Бронькой.

На следующее утро Аля вела Янку в детский сад. Они шли вдоль стройки, огороженной забором, когда Янка споткнулась о рейку, поддерживающую забор. Она покачнулась и ткнулась в Алин бок своим меховым рюкзачком, который она крепко сжимала в руках.

— Янка! — воскликнула Аля, потирая ушибленный бок. — Что у тебя в рюкзаке такое твердое? Опять какой-нибудь мусор насобирала?

И, не обращая внимания на ее протесты, отобрала ее рюкзак и заглянула внутрь. Там лежали три банки из-под Спрайта.

— Ну, Янка, ну, безобразница, — задыхнулась от возмущения Аля. — Так вот кто банки утащил! И зачем ты их в рюкзак сложила? Признавайся, горе мое!

Янка начала всхлипывать.

— Я счастье твое, — напомнила она. — Сама говорила.

— Ты еще и притворяшка! — строго сказала

Аля. — Ведь притворялась вчера, что спала. А? — громко рывкнула она.

— Да-а, — разрыдалась Янка. — Вы бы у меня мои баночки отобра-али. А они мне нужны-ы-ы.

— Какие же они твои? — увещевала Аля. — Ну зачем они тебе? — потрясла она банкой перед Янкиным носом. В ней что-то звякало и перекатывалось.

— Кла-а-д, — все горше рыдал ребенок. — Клад закапывать, с девочками. Аа-оо-уу, — размазывала она слезы.

— Какой клад? — удивилась Аля.

— Мы туда драгоценности кладем и закапываем с девочками, — деловито сообщила Янка и перестала рыдать. Она моментально уловила изменения в мамином голосе и поняла, что та почти не сердится и штрафные санкции — то есть отъем банок, — производить не будет. — А потом выкапываем.

— Янка! — внушительно сказала Аля и высыпала на ладонь содержимое банки — несколько бисеринок, две пуговицы и маленького пупса. — Ну почему ты просто не попросила несколько банок?

— Да-а, — пожаловалась Янка, — Я у Броньки попросила, так он сказал, что всех моих Кенчиков заберет.

Кенчики, многочисленные мужья Барби, были предметом особой Янкиной заботы, так как она иногда устраивала среди них конкурсы красоты. Победитель должен был жениться на Барби, но таковой никогда не определялся, так как даже близко не подходил длинноногой красавице ни по каким параметрам. Поэтому играть Янка предпочитала с симпатичным толстеньким тряпичным морячком из английской серии «Дети, найденные в капусте». Он был смешной, добродушный и мягкий, его можно было обнимать и баюкать. Но Кенчики были выстроены на полке по ранжиру и ждали конкурса красоты. Янка время от времени строго окидывала их взглядом, но не расставалась с морячком.

— Ладно, — решила Аля. — Давай эти баночки оставим, но остальные отдадим, ладно?

Янка горестно молчала.

— Яна!

Некоторое время они шли молча. Янка обиженно сопела носом.

— Стоит серенький забор! — провозгласила она, с чувством повернувшись к строительному забору.

— Ничем не примечательный. — пожала плечами Аля.

— Стоит серенький забор,

Ничем не примечательный, — согласилась

Янка.

И никто того не знает,
Что он — замечательный! — продолжила она,
немного подумав.

Я шепну ему секрет
В серенькое ушко,
Будет он его хранить,
Лучше, чем подружка!
Он послушает меня, не перебивая,
Не качая головой и не обвиняя, — с чувством
продекламировала она.

Аля обалдело смотрела на дочь.

— Яночка, осторожно спросила она. — Это ты
сейчас какое стихотворение прочитала? С кем
учила?

— Какое стихотворение? — удивилась дочь.

— Ну вот... про серенький забор.

— А! Это и не стихотворение вовсе. Это я так
плачу.

Янка немного постояла, покачала головой, и
они пошли дальше.

Ближе к вечеру Костя не спеша спустился во
двор и направился к мусорным бакам, помахивая
прозрачным пакетом с мусором. В нем ясно было
видно множество жестяных банок из-под напитков.

Во дворе возле газона, который, по счастью,
находился в двух шагах от мусорных баков, стоял

Саша, который был поглощен разговором с Валерием Павловичем.

— А здесь мы посадим кусты крыжовника, — разводил он руками.

На небольшом свободном пространстве перед мусорным баками, в совершенно антисанитарных условиях, гоняли мяч Бронька с Владиком. Не глядя на них, Костя прошествовал к бакам и бросил пакет в тот из них, в который был почти пуст. Он рассчитывал на то, что вытащить этот пакет будет непросто, так как до дна бака было невозможно дотянуться руками и предполагаемому похитителю мусора придется повозиться. За это время они смогут его как следует рассмотреть. Однако ничего не происходило. Никто не бросился в бак, как предполагал Владик, и не кинулся наутек месте с пакетом. Костя ушел в подъезд, чтобы не мозолить глаза, и встал на площадке второго этажа у раскрытого окна, чтобы вести наблюдение и дать знак стоящему к нему лицом Саше, если он кого-то узнает. Саша с Валерием Павловичем продолжали обсуждать предполагаемое озеленение газона.

— А вот здесь мы посадим кусты крыжовника, — в очередной раз разводил руками Саша, с остервенением глядя на Валерия Павловича.

— Гм. Ну да, — солидно кивал тот головой, совершенно не подкидывая Саше никаких тем для

продолжения разговора.

Броня же с Владиком наоборот разыгрались всерьез, гоня мяч, и перемещались все дальше от баков. Из ближайшего к бакам подъезда вышла толстая тетка с двумя ведрами мусора, в котором без всяких пакетов были навалены, судя по запаху, несколько дней назад, картофельные очистки, рыбы хребты и прочая вонючая гадость. Она подходила как раз к тому самому баку, и, когда стало ясно, что всю отвратительную гору мусора она собирает вывалить на Костины банки, из черной машины, стоящей в пяти метрах от баков, выскочил какой-то сухощавый человек. Он торопливо подскочил к баку, опередив тетку, и бросил в него смятую пачку сигарет. Потом, оттолкнув тетку локтем, он пробормотал что-то и наклонился над мусором.

— А вот здесь мы посадим..., — прорычал было в сотый раз Саша, уничтожая взглядом вспотевшего Валерия Павловича, а потом вопросительно посмотрел в окно, в котором маячил Костя. Но тот пожал плечами.

— Мальчики! — строго закричал Валерий Павлович. — Нечего возле зеленых насаждений мяч гонять. Вон туда идите, нечего растения портить.

Бронька обалдело посмотрел на отца. Тот сделал зверское выражение лица и показал на бак.

— Владька! — закричал он отчаянно, и тот

дал длинный пас в сторону мусорных контейнеров.

Мяч звонко стукнул по баку. Тетка вздрогнула и высыпала в него благоухающий скользкий, покрытый плесенью мусор. Человек, взыв, выудил Костин пакет и, распространяя вонь и стряхивая с себя рыбные потроха, помчался к машине.

Бронька с Владиком помчались следом и, не забывая перепасовывать друг другу мяч, и попытались запомнить номер машины.

Мотор в машине явно был очень хороший. Было такое впечатление, что машина завелась не с пол оборота, а вообще до того, как человек впрыгнул в машину. Она шумно взревела и мгновенно скрылась за углом.

Валерий Павлович с облегчением вытер лоб и обрел прежнее красноречие.

— Ну, Палыч! — сердито сказал Саша. — С тобой только разговоры разговаривать. Находчивый ты наш! А еще Паустовского читаешь!

— Причем тут Паустовский? — вяло оправдывался Валерий Павлович. — Я же тебе поддакивал...

— Еще бы ты молчал! — возмутился Саша.

— Нет, ты послушай, о чем они только спорят! — закричал подбежавший Владик Броньке, вставая на цыпочки от возмущения. — Мы старались, рисковали... — тут он немного запнулся, так как не мог сразу сообразить, чем же они

рисковали. — Запоминали номер, рассматривали этого бандита...

— Да, кстати, — спохватился Саша. — Ну, и какой номер?

— Да..., понимаете, номер-то был грязью залеплен. Но последняя цифра явно была семерка.

— Да уж, — грустно резюмировал подошедший Костя, — перехитрил он нас. Ну, а лицо?

— Вот такая бородка, — наперебой закричали мальчики, — вот такой нос, плоский, как у утки, глаза серые, зубы редкие, волосы жидкие, набок зачесаны...

— Редкостный красавец, — усмехнулся Валерий Павлович.

Владик посмотрел на него и открыл рот.

— Да он на вас как две капли воды похож! — воскликнул он и запнулся. — А что, — неуверенно продолжил он, — вполне симпатичный.

— Ну, — нетерпеливо смотрели на Костю Броня с Сашей, — Знаешь ты такого? — и они, не сговариваясь, ткнули пальцем в обиженно молчавшего Валерия Павловича.

Костя внимательно изучал лицо своего недавнего спасителя.

— Нет, — покачал он головой, — никогда такого не видал.

— И ничего у меня нос не приплюснутый, —

вдруг ожил Валерий Павлович.

— Они просто слово неудачное выбрали, — утешал его Саша. — Не умеют у нас дети как следует описывать носы, что поделаешь.

Вечером все, включая Владика и Ирку, которым родители разрешили переночевать у Куликовых, сидели у них на кухне и рассказывали Але и заглянувшей в гости тете Асе свои приключения.

— И главное, — возмущался Саша, — я ему говорю — он головой качает, я ему опять говорю — а он опять не отвечает, я ему...

— Ты тоже хорош, — шумел в ответ Валерий Павлович, — заладил про свой крыжовник. «А вот тут мы посадим...», — передразнил он, разводя руками точно, как Саша. — Лучше бы я Захара Ильича взял. О скифах бы с ним поговорил...

— Он бы взял! — проворчал Саша, который очень гордился, что придумал операцию с банками.

— Значит, это еще в Костиной квартире, — радостно сказала Натуся.

— Ну да, — без всякой радости сказал Костя. — Значит, они снова ко мне в квартиру полезут. Или похитят опять.

Броня почесал в затылке.

— И ничего страшного, — заявил он.

— Бронислав! — строго сказал Валерий

Павлович.

— Вас опять возьмут в домик с балкончиком? — завистливо спросила Янка.

— Вот, — развернулся в ее сторону Владик. — Устами младенца. Посидите себе в домике с балкончиком, отдохнете. Они же видите, какие интеллигентные бандиты. Не били даже...

— Замолчи сейчас же, — прикрикнула Аля. — Накличешь! Нет, Костя, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вас похитили. Надо принять меры предосторожности. Баллончик с собой газовый носить, что ли...

— А если в квартиру полезут? — напомнила Натуся.

— Ну... бабушку опять из деревни привезти...

— Нет! — с чувством воскликнул Костя. — Уж лучше в домик с балкончиком.

— Мамуля, — умилился вдруг сам себе Бронька, — золотые мы все-таки у вас дети. Все вам рассказываем, делимся...

И, поскольку не встретил всеобщего одобрения и понимания, продолжал уже менее уверенно:

— Вы почитайте детективы про детей. Там про взрослых вообще не упоминается. Они себе на курорты уезжают без детей, а если и не уезжают, то их не видно и не слышно.

— Да, — встрял Владик. — там дети все

делают сами...

— Ах вы, нахалы! — обрела дар речи Аля. — Это взрослых-то не видно и не слышно? Да если хотите знать, это вы скажите спасибо, что мы с вами делимся. И позволяем путаться под ногами.

— Книжек они начитались, — обиженно вторил ей Валерий Павлович. — Пора вас на место ставить. Чтоб вас было не видно и даже не слышно, разве что дома и шепотом.

Костя с сомнением покосился на чету Куликовых. Он с трудом представлял себе, как они смогут поставить этих детей на место. Саша, который гордился придуманной им операцией, тоже обиженно хмурился. А Натуся поглаживала свой округлившийся живот и думала, что они-то уж смогут воспитать своих детей в должном уважении к взрослым.

Даже Ирка — и та снисходительно посмотрела на мальчишек, как на малышей.

— Они думают, — невыносимо взрослым тоном начала она, — что в жизни — как в книжках. Жизни не нюхали, — вздохнула она, поворачиваясь к тете Але.

Бронька решил больше не высовываться. Но про себя заклеил Ирку, как предательницу.

— Ладно, — примирительно сказал сонный Владик. Мы же — что..., мы ничего. Участвуйте, пожалуйста. Мы совсем даже не против. Вы нам

хорошо помогаете.

— Ну что ты скажешь! — засмеялась тетя Ася. — Боюсь, что ничего мы с ними уже не поделаем. Хотя вы и в самом деле нахалы, дети мои.

— Но вы сейчас же, немедленно, дайте нам слово ничего, не посоветовавшись с нами, не предпринимать, — очень серьезно и тревожно потребовал Валерий Павлович.

— Вот именно, — согласился Саша. — Тем более, у вас уже был случай убедиться, что мы вас никогда не подводим.

— Да ладно, ладно, — пошел на попятный Бронька. — Мы же понимаем, что жизнь — не книжки, — сказал он и укоризненно посмотрел на Ирку. Пусть тоже поймет, что не такие уж они и маленькие, чтобы не понимать, что взрослые на то и существуют, чтобы им, детям, во всем помогать, когда они, дети, берут на себя самое трудное и ответственное — все придумывать и взваливать на взрослых возникающие в связи с этим проблемы.

Владик расположился в Бронькиной комнате на диване. Когда Аля пришла проведать их перед сном, сонные дети пробормотали почти хором:

— Завтра идем обыскивать Костину квартиру, — и тут же уснули.

— Обыскивать — так обыскивать, —

пробормотала про себя Аля. — чтобы мы с Асей и с Катюшей да ничего не нашли..., — думала она, ложась спать. — И до чего Костя беспомощный, — заключила она, укрывшись одеялом, и уснула.

Обыск на квартире у Кости на следующий день ничего не дал, несмотря на все старания сестер. Аля считала, что для нее найти таинственный предмет — дело чести. Надо же показать мужчинам, что хотя в сыщицких делах они и молодцы, но в квартире пока что женщины — боги, вернее, богини. Однако «богини» потерпели фиаско, несмотря на то, что они перетрясли все шкафчики, заглянули под все диваны и кресла. Заодно, к Костиному восторгу, они навели замечательный порядок и чистоту в Костиных вещах, включая стены в коридоре, которые они, по мере возможности, отмыли от варенья. За это Костя был им особенно благодарен, так как он без конца прилипал к ним спиной, и все имеющиеся у него в наличии свитера уже лежали в стирке. В тайной надежде, что женщины выстирают ему одежду, он предложил поискать в стиральной машине. Тетя Ася добросовестно там порылась, но, отмывая руки от липкого варенья, недовольно предположила, что Костя, вероятно, знает, как включаются в розетку бытовые приборы.

Прошло несколько дней и все успокоились. На банки, которые Костя добросовестно бросал в мусор, никто больше не кидался, похищать его тоже не пытались. Костя оставлял хитроумные ниточки на входных дверях и дверцах шкафов, но в квартиру следов проникновения тоже не было, к большому разочарованию детей. Костя тоже был огорчен, потому что не находил больше поводов общаться с огромным бесцеремонным семейством.

В четверг ему позвонила тетя Ася.

— Никаких новостей, — грустно отчитывался Костя. — Не похищали, в квартиру не вламывались. И банок в доме уже никаких не осталось.

— Ладно, Костя, — добродушно успокаивала его тетя Ася. — Жизнь на этом не кончается, может, вломятся еще. А пока хочешь поехать с нами на дачу на денек?

Погода для начала октября стояла чудесная, светило солнце и немногочисленные золотые деревья в городе ясно говорили о том, что город — это жалкий каменный мешок, а праздник жизни сейчас именно в лесу.

— Конечно, поеду, — обрадовано закричал Костя. — У меня же машина есть, так что все разместимся.

— Вот и чудесно. Тогда захвати Мягковых.

Костя с трудом понял, что речь идет о Захаре Ильиче и Нине Федоровне, фамилии которых он

раньше не знал, но захватить пообещал.

Договорились в пятницу встретиться у дома Клеопатры Апполиinarieвны, и все вместе поехать в Жуковку — родную деревню Клео, где также располагался старинный дом тети Асиного прапрадеда.

Клеопатра Апполиinarieвна уже ждала их у дома, сияющая, как новый пятак. Под руку ее держал немолодой лысоватый мужчина, неуверенно поглядывая на подъезжающую машину. Костя опознал Клеопатру Апполиinarieвну по широкополой шляпе, под которой, правда, был повязан цветной платок, и по фиолетовым брюкам. Выглядела она настолько экзотично и величественно, несмотря на нелепый наряд, что Костя невольно засмотрелся на нее, проигнорировав вначале стоявшего рядом мужчину.

— Клео, привет, дорогая, — обняла ее подоспевшая тетя Ася. Саша, который неторопливо выходил из машины с Натусей под руку, сел в нее обратно и оттуда наблюдал за тем, как его мать приветствовала Клео.

— Подумать только, — восклицала тетя Ася, испепеляя взглядом стоявшего рядом с Клео мужчину. — Вот уж кого не ждали! У вас что, деньги кончились?

Валентин густо покраснел, покосился на

Костю, открыл рот, и снова закрыл.

— Ах, что вы, Асенька, совсем наоборот, — принялась горячо защищать своего израильского племянника Клеопатра Апполинариевна. — Вы не поверите, он, наоборот, мне денег привез.

— Ну, Клео, — возмутилась тетя Ася. — Я все понимаю, родная кровь и так далее, Но все же... — она с сомнением покосилась на Валентина, глаза которого метали молнии. Относительно недавно появившемуся племяннику Клеопатры Апполинариевны совсем не хотелось, чтобы Костя узнал о том, как всего лишь три с небольшим месяца назад он долго и старательно планировал убийство родной тетушки, чтобы не делиться с ней наследством деда.

— Понимаю, что вам трудно поверить, — с достоинством произнес он. — Но по совету вашего сына я нанял толкового управляющего и дела нашей фирмы стали приносить небольшой, но стабильный доход. Поэтому к тетушке, — он сделал церемонный поклон в сторону умиленной Клеопатры Апполинариевны, — я приехал по делу.

— Асенька, ну можно он с нами поедет? — умоляюще произнесла Клеопатра Апполинариевна.

— Санька, — грозно обернулась тетя Ася в сторону сына. — У вас с Валентином, оказывается, свои дела, а я ничего не знаю?

— Доля матери адвоката, — вздохнул

Санька. — И, на всякий случай, сообщаю — доля и жены адвоката, — добавил он, кивнув Натусе, — не совсем все знать о деловой жизни вашего родственника. Вот если я тебе изменю, — пояснил он, невинно глядя в изумленные Натусины глаза, — ты первая узнаешь.

— Ну, уж нет, — запротестовала ошеломленная Натуся. — Давай я лучше вообще ничего об этом не узнаю.

К этому времени Нине Федоровне надоело сидеть в машине, не принимая участия в разговоре.

— Вот, Костя, знакомьтесь, — вылезла она. — Это Валентин. Он недавно приехал из Израиля.

— Ниночка, — попытался урезонить ее Захар Ильич. — Ты уж позволь Клеопатре Апполинариевне самой его представить...

— Да-да, — поспешно продолжала Нина Федоровна, пока Клеопатра Апполинариевна не успела вмешаться. — Очень интересный человек...

— Мой племянник, — попыталась вклиниться Клеопатра Апполинариевна, -...

— Отбывает условное наказание за убийство... — неуклонно продолжала Нина Федоровна...

Глядя, как у Кости округлились глаза, тетя Ася поспешила пояснить, что убийство все-таки не состоялось.

— А откуда вы узнали, что оно должно было

состояться? — удивился Костя.

— Интересно, если бы я тогда отдал концы из-за вашего дурацкого привидения, — вдруг подал Валентин голос, — вас бы судили за убийство меня?

— Нет, — послышался тоненький вредный голосок Владика из-за спины Клеопатры Апполинариевны. — Нас бы наградили за обезвреживание преступника.

Только тут все заметили Солнцевых, которые давно уже вылезли из своего бесшумно подкатившего джипа и с неподдельным интересом вслушивались в разговор.

Ирка с Владиком сначала решили ничего не рассказывать своим родителям о летних приключениях, но потом, конечно, не удержались. Поэтому сейчас Дима, поняв, о чем речь, протягивал Валентину свою удочку, на которую он нацепил белый носовой платок.

— Давайте-ка, выкидывайте белый флаг, и поехали.

— А почему я? — заупрямился Валентин, а потом до него вдруг дошло:

— А что, вы тоже в курсе? — упавшим голосом спросил он.

Косте вдруг стало его жалко. Он на своей шкуре только что почувствовал, каково это, когда все вокруг обсуждают твои дела.

— Ладно, это все дела, как я понимаю, давно минувшие. Давайте-ка садитесь по машинам. Вы ведь с Клеопатрой Апполинариевной вместе?

Валентин благодарно посмотрел на него и поспешно сел в машину. Кавалькада из трех машин, наконец, тронулась в путь. Путь на дачу занял около часа. Почти весь этот час Валентин пытался доказать Косте, что он вовсе не убийца по натуре.

— Понимаете, — рассуждал он. — У меня была ситуация, когда я погибал. Просто становился нищим. И тогда я подумал — какой-то там чужой тетке, которая палец о палец для бизнеса не ударила, последнее отдать. Ну, я и решил ее... заказать. Это для меня было — как камень с дороги убрать. Я даже и не ощущал, что дело живого человека касается.

Костю от этих откровений слегка коробило, но Клеопатра Апполинариевна продолжала ласково поглядывать на недавно приобретенного племянника.

— А потом, — уже более вдохновенно продолжал прозревший племянник, — она ко мне в тюрьму с пирогами пришла. Понимаете, я ее убить хотел, а она с пирогами. Она меня любит просто за то, что я ее племянник.

Эта часть повествования Косте понравилась гораздо больше.

— Меня больше некому любить, — жалобно

продолжал Валентин. — Никого родственников нету. Надо же, — продолжал удивляться он. — Любит, просто потому, что тетя. И от денег отказывается. Говорит, что ей и так хватило.

— Ну, а вы? — строго спросил Костя.

— Все равно отдам. В конце концов, — рассмеялся Валентин, — разорюсь, так к ней приеду. Да, тетя Клео? Пустите вместе бедовать?

Клеопатра Апполинариевна что-то ласково ворковала, гладила лысого племянника по руке и угощала квасом, то есть, думал Костя, вела себя крайне глупо.

Наконец, остановились у тети Асиного дома. Женщины принялись хлопотливо выгружать заготовленное для шашлыка мясо и прочие продукты, а тетя Ася побежала проведать дом.

Дом без нее скучал. Тетя Ася почувствовала это, как только ощутила тепло старых стен. Как будто невидимые волны ласкали ее и рассказывали, как они истосковались без гомона детей, разговоров тети Асиных гостей, запаха Натусиных пирогов, отражений людей в зеркалах. У тети Аси сжалось сердце. Городской квартире было на нее, судя по всему, наплевать. Она встречала ее после долгих разлук равнодушно и надменно. Наверное, потому, подумала тетя Ася, что в ней не присутствовали духи предков. Сначала она удивилась, что такие странные мысли приходят ей в голову, но дом

шепнул ей, что мысли-то, как раз, правильные, а сама тетя Ася, безусловно, странная, поскольку раньше не понимала таких простых вещей.

— Тетя Ася, моя скамеечка стоит! — завопил вбежавший в дом Бронька. Дом удовлетворенно замолчал. С криками детей он успокаивался и начинал жить, поэтому разговаривать с тетей Асей у него больше не было необходимости.

— Конечно, стоит, — удивилась тетя Ася. — Ты же не предполагал, что она отправится погулять или захочет полежать?

Бронька все равно был потрясен. Летом он соорудил с Сашинной помощью скамейку, которую они вкопали в сад, и Бронька не мог поверить, что результат его трудов никуда не делся, да еще и может иметь практическое применение.

— Тетя Ася, — удивилась вбежавшая вслед за Бронькой Янка. — Наш Бронька сделал скамеечку в саду?

— Да, сам сделал, — хором подтвердили Бронька и тетя Ася.

— Мама, папа, дядя Саша, — закричала Янка, выбегая во двор. — Это Бронькина скамеечка! Это он сам сделал.

— Ну, — вздыхая, признался Бронька, — мне дядя Саша помогал...

Но дядя Саша горячо заверил, что его помощь была совершенно незначительна, и благодарный

Броня скромно зарделся, принимая заслуженные восторги и поздравления.

Вошедшие в дом Захар Ильич и Костя выразили свои восторги по поводу скамеечки, оценив тот факт, что она стоит, и Захар Ильич сразу потащил Костю в гостиную. Он стал бурно рассказывать, как им всем явилось привидение за окном, но в дом войти побоялось.

За их спиной Ирка с Броней и Владиком обсуждали трагическим шепотом, надо ли, наконец, признаться, что привидение было делом их проказливых рук.

— Не вздумайте, — шипел Владик. — Он этого не переживет!

— А, по-твоему, будет лучше, если он будет и дальше думать, что...

— Вот и дети его видели, — обернулся Захар Ильич. — Ирочка со мной рядышком стояла. Правда, детка?

«Детка», покраснев, поспешно закивала головой.

В дом вошел озабоченный Саша.

— У тебя, мама, видимо, какие-то бомжи в саду жили.

Тетя Ася понеслась в сад, опасаясь увидеть оскверненные клумбы и разоренный сад. Но Саша показал ей на кусты крыжовника. В них было проделано небольшое углубление в виде шалашика,

который был накрыт полиэтиленом, стянутым с теплицы. На земле валялись тряпки, частично взятые с крыльца дома.

— Аккуратные бомжи, — резюмировал Дима. — В дом войти не пытались, и за то спасибо.

Аля подняла с земли грязного игрушечного зайчика и недоуменно вертела его в руках.

— Дети, это ваша игрушка? — позвала она Ирку и Владика. Те отрицательно замотали головами.

— Действительно странно, — пробормотала она, и бросила зайца обратно.

Пока взрослые готовили шашлыки, дети побежали по деревне. Дружно закричали «здрате», встретив местного алкаша-философа Витю Лохматого, который грустно проводил их взглядом, пробормотав себе под нос: «Ить русскому человеку что надо?»

Броня на секунду остановился.

— Главное, Витя, — внушительно поднял он палец, — главное...

Витя замер, внимательно глядя на Бронькин палец.

— Главное, — продолжал тот, — никогда не мешай текилу с пивом, — повторил он фразу, однажды услышанную от отца.

Витя разочарованно махнул рукой.

— А ты мне эту текилу поднеси, чтобы я

мог ее с пивом не мешать, — закричал он вдогонку.

— В вашем возрасте, — услышали они внушительный голос сзади, — не полагается знать ничего об алкогольных напитках.

Это была Гренадерша, тети Асина соседка богатырского роста, которая обожала поучать и детей и взрослых.

— А тем более, — продолжала она, — говорить о них вслух.

— А молча их пить можно? — поинтересовался Владик, серьезно глядя на нее через очки.

Гренадерша буквально задохнулась от возмущения.

— Ну, — не находила она слов, — ну, я должна серьезно поговорить с твоими родителями.

— Пожалуйста, заходите, — вежливо пригласил Броня. — У нас как раз сегодня шашлыки, — самый повод поговорить о вреде алкоголя.

— Да-да, — поддакнула Ирка. — Вы знаете, это — такая серьезная проблема, очень актуальная. Так что, — сказала она тети Асиным голосом, — милости просим.

И они побежали дальше, навестить Лешку, своего друга по даче. Тот был дома, колот во дворе дрова.

— Эй, привет, Леха, — радостно заорали

Бронька с Владиком, вбегая в калитку. Ирка степенно последовала за ними.

— Здравствуй, — вежливо сказала она.

Лешка по-мужски пожимал мальчишкам руки, довольный, что может отвлечься от колки дров.

— А какой я рыбы наловил, — хвастался он, ведя друзей в коптильню, где висели три огромных леща и две щуки. — Вообще сам, представляете? Мать, правда, коптила. Ну, да это дело женское, — солидно добавил он.

— С берега ловил? — деловито осведомился Бронька.

— Ну да, — махнул рукой Лешка. — С берега щуку разве поймашь! Нет, я с лодки ловил.

— У тебя есть лодка? — забыла свою степенность Ирка. — Лешенька, покатай нас, а?

— Поехали, — как всегда, загорелся Лешка. — Вот с дровами управлюсь, да еще тут по хозяйству. Вы часа через полтора заходите, и поедем.

— Давай я поколю, — предложил Владик и схватился за топор. Сделав зверское лицо, он изо всех сил замахнулся. Удар вышел великолепным по силе. Топор воткнулся в землю по самую ручку, Владика по инерции потянуло вперед, и он распластался на колоде, на которой кололи дрова.

— Батюшки-светы, — всплеснула руками Лешкина мать, Федотовна, выйдя на крыльцо. —

Вы чегой-то над мальцом измываетесь, природы? — кричала она, глядя на корчащегося Владика, которому никак не удавалось встать. — Он вам, чай, не куренок, на колоду-то класть.

— Это я, Клавдия Федотовна, — объяснил Владик, поднимая с земли очки, — дрова рубил.

— И как, помощничек, — поинтересовалась она, рассматривая воткнутый в землю топор, — много нарубил?

— Я... это, потом еще зайду... порубить, — бормотал Владик, зная острый Федотовнин язычок. — До свидания, Клавдия Федотовна, — пятился он к калитке, наткнулся на хохочущего Лешку и сел на землю.

— Приходи, приходи, герой, — веселилась Федотовна. — А то, гляди, без дров на зиму останемся.

Троица с позором ретировалась — Эх ты, городской житель, — насмеялся Бронька. — Топор в руках держать не умеешь.

— А сам-то, — огрызался Владик.

— А я, между прочим, — важно напомнил Броня, — скамейку сделал. Топором.

— И ничего ты не сам сделал. Тебе Саша помогал.

— А вот сейчас увидишь. Сейчас я у тети Аси для камина дров нарублю, а ты...

— Ладно вам, — утихомиривала их Ирка. —

Дома вам обоим не каждый день приходится колоть дрова. Хотя настоящим мужчинам поколоть дрова — раз плюнуть, — продолжала она. Мальчики обиженно насупились.

Подходя к дому, они почувствовали восхитительный запах жарящегося шашлыка.

— Эй вы, — позвал их Дима. Он разогрелся у мангала и стоял в одной футболке. — Куда же вы удрали, парни? Хоть бы дров накололи для шашлыков.

— О да, — захохотала Ирка. — Если вы, дядя Дима, поставите их на дрова, шашлыков не дождетесь.

— А я вот помогаю, — важно сказала Янка, подкладывая щепочку в мангал. Она оставалась со взрослыми, потому что обожала всякую возню с огнем и шашлыками.

— Молчи, женщина, — величественно сказал Броня. — На скамейку, которую я топором сделал, небось сядешь...

— Нет, — сказал Ирка, которая стояла лицом к калитке. — На нее, похоже, сядет Гренадерша.

— Идет! — простонал Бронька.

— Вот здорово! — обрадовался Владик. — Сейчас речь закатит.

Гренадерша действительно закатила речь, которая надолго запомнилась всем обитателям дачи.

— Остановитесь! — внушительно сказала она.

Дима, который занес топор над очередным поленом, остановился. Остановилась и тетя Ася, которая собралась нанизать очередной кусок мяса на шампур. Остановилась Клеопатра Апполинариевна на полпути к калитке. Рики перестал вилять хвостом и с любопытством уставился на монументальную фигуру соседки. «Отомрите», — хотелось сказать детям, которые с любопытством разглядывали немую сцену.

— У вас — дети! — еще более внушительно продолжила Гренадерша.

Дима добросовестно оглядел топор, тетя Ася обнюхала мясо, а Клеопатра Апполинариевна, которая хотела было проведать свой дом, устыдилась и вернулась назад. Все в недоумении уставились на Гренадершу, пытаясь понять, чем же, собственно, их действия вредят детям.

— И у них сейчас опасный период! — возвестила Гренадерша.

Катюша и Аля побежали щупать лбы своим детям. Тетя Ася с тревогой взглянула на округлившийся Натусин живот и оглянулась на свое великовозрастное дитя.

— И они общаются с алкоголиками, — с горечью в голосе сообщила Гренадерша. — И смотрят, как пьют их родители!

— Клео, дорогая, неужели квас прокис? —

озабоченно спросила тетя Ася.

Гренадерша несколько смешалась. Она ожидала всеобщего смущения, сцены раскаяния и призывания детей к порядку, но все шло как-то не так.

— Им нельзя алкоголь! Они маленькие! — Гренадерша на всякий случай решила выразиться попроще.

Все уставились на нее с таким неподдельным изумлением, что она смутилась.

— Папа! — прозвенел торжествующий голос Владика. — А Бронька не мешал текилу с пивом.

— Молодец, — машинально кивнул головой Дима, не замечая ехидства сына.

— Вот видите! — торжествующе воскликнула Гренадерша.

— Вижу, — согласился Валерий Павлович, глядя на своего сына. — А где ты взял текилу, сынок? — поинтересовался он у Броньки, приводя Гренадершу в тихий ужас.

— Да нигде не взял! — начал раздражаться Броня непонятливостью отца. — Нигде я ее не взял, потому и не мешал.

— У нас нет текилы, — объяснил Валерий Павлович.

— Они общались с пьяницей Витей и объясняли ему, что нельзя мешать текилу с пивом! — закричала сбитая с толку Гренадерша.

— А что, вы хотите мешать? Так пожалуйста, — великодушно разрешил Валерий Павлович. — Только я вам не советую. Вообще, для женщины любую водку лучше ни с чем не мешать.

— А Витя — это тот алкоголик, которому вы летом брагу продавали? — уточнила тетя Ася. Гренадерша побагровела.

— Бросьте, Зинаида Михайловна, — увещевала ее тетя Ася. — Не стоит вам с водкой связываться, давайте я помогу вам другой заработок найти.

Гренадерша вдруг сникла.

— Не продавала я никакой водки, — тихо пробормотала она. — Кто-то воспользовался моим именем... и моим двором... а все поверили, что я... — ну как я могла продавать водку, это уж совсем ни в какие ворота... — дрожащим голосом закончила она и, сгорбившись, пошла к выходу.

Дети притихли. Их летняя проделка, когда они, пустив слух, собрали на дворе Гренадерши всех местных пьяниц и продавали им дешевую брагу, показалась им не такой невинной, как раньше.

— Странно как, — пробормотала Клеопатра Апполинариевна. — Я ей почему-то поверила. Но только кто же тогда...

Тетя Ася бросила взгляд на детей и от нее не укрылось виноватое выражение их лиц.

— Ну-ка, выкладывайте, — вздохнула она. — Я все вижу!

Бронька с Владиком, глядя в землю, упорно молчали, а Ирка, которая была автором идеи, стала потихоньку рассказывать.

— Ну, молодцы! — тихо сказала тетя Ася. — Вы понимаете, что вы ее оклеветали? Зачем вы это сделали?

— Она тогда про Клеопатру Апполинариевну слухи... убитым голосом сказал Владик, — и нам показалось, что она такая противная... и мы решили ее проучить...

— Может, она и противная, — сказала тетя Ася, — но она, в сущности, очень одинокий человек. Ей некого оберегать, любить, советовать. Вот она и осуществляет это свое желание, где может. Внучку к ней ей отпускают только на месяц, а так весь год она одна.

Наступила томительная пауза. Ирка чуть не плакала. Теперь ее затея казалась ей глупой, и было до слез жалко Гренадершу. Мальчики тоже молчали, всем своим видом изображая раскаяние.

— Да-а-а, — протянул Валерий Павлович. — Надо бы извиниться.

— Ни за что, — закричала Ирка. — Дядя Валера, пожалуйста, пусть она лучше не знает, что это мы.

— Интересно, — сказала Катюша. — А как же

ей восстановить свое доброе имя?

— А мы будем всей деревне рассказывать, что она не могла этого сделать, — робко предложил Бронька. — И ей скажем, что мы ей верим. Может, на шашлыки ее пригласим? Я сбегая, — умоляюще посмотрел он на Валерия Павловича.

— Ну, сын, ну, удружил, — сокрушался отец, почесывая затылок.

— Бронька! Тебе хоть стыдно? — грозно спросила Аля.

— Это я виновата, — вздохнула Ирка. — Я все придумала.

— Ну как ты могла, — села на Бронькину скамейку Катюша.

Владик с Бронькой дружно вздохнули и засопели.

— Надо признаваться, — решительно сказал Дима. — Раз вы такое натворили, вместе пойдете извиняться.

Ответом был такой дружный протест, что Дима тоже присел на скамейку рядом с женой. Горячая речь Владика и Ирки сводилась к тому, что они признают свою вину, но сторят со стыда, если именно Гренадерша узнает, как они ужасно поступили. А поскольку она очень противная, — на последнем пункте они продолжали настаивать, несмотря на вялые возражения взрослых, — то она будет вспоминать об этом на каждом шагу, и они

уже никогда не смогут и носа показать в эту деревню.

С этим тетя Ася, зная Гренадершу лучше других, не смогла не согласиться. Валерий Павлович присел на скамеечку в глубоком раздумье.

— Стоит! Держит! — вдруг ликующе закричал Бронька.

— Кто стоит? Кто держит?! Кого? — в ужасе повскакивали со скамейки взрослые.

Бронька растерялся.

— Скамейка держит, — неуверенно пояснил он. — Вы все на ней сидите, и она не падает.

— Тьфу! — возмутился Валерий Павлович. — Вот и поговори с ними. Так, Бронислав, немедленно дуй к Клеопатре и приглашай ее на шашлыки.

— Нет-нет, — возразила тетя Ася. — Это лучше сделаю я.

— И я, — присоединилась к ней Клеопатра Апполинариевна.

Неизвестно, о чем она шепталась с Зинаидой Михайловной, но через полчаса они вернулись вместе. Сияющая Гренадерша принесла банку соленых помидор, церемонно уселась на Бронькину скамейку и завела светскую беседу:

— Ах, как прелестно. Скамеечка в саду — это замечательно.

Бронька зарделся, ожидая комплиментов.

— Не зря Саша летом потруился, — продолжила Гренадерша.

«Не зря мы у тебя в саду брагу алкашам продавали», — подумал оскорбленный до глубины души, нераскаявшийся Бронька.

Из дома, позевывая, вышел заспанный Валентин. Увидев дружную компанию, усевшуюся за шашлыки, он обиделся.

— Ну вот, — недовольно сказал он. — Заснул — и чуть шашлыки не проспал. Вы бы, наверное, мне и не оставили ничего.

— Кстати, — вспомнила Нина Федоровна, — а Света тоже придет?

Все уже начали привыкать к ее неожиданным высказываниям, но Костя, который редко с ней общался, поперхнулся шашлыком.

— А вы ее тоже приглашали? — испуганно спросил он, откашлявшись.

— Нина Федоровна, дорогая, а почему вы ее вспомнили? — удивилась тетя Ася.

— Я думала, вы пригласили, — спокойно сказала Нина Федоровна.

Все молча вытаращили глаза.

— Она проезжала на машине мимо нас, вот я и подумала, что на шашлыки, — объяснила Нина Федоровна.

— Проезжала мимо? Где?

— Да там еще, — неопределенно махнула

рукой Нина Федоровна. — Когда к деревне подъезжали.

— Это точно она была? — допытывался Костя.

Нина Федоровна оскорбилась.

— Это вам не древние скифы, — сказала она. — Уж Свету-то я всегда узнаю.

Валерий Павлович и Костя переглянулись. Они уже собирались предложить Саше съездить на разведку, как из дома опять вышел уже выпавшийся Валентин с бутылкой ирландского виски в руках.

— К шашлыкам, — торжественно сказал он, водружая бутылку на стол.

— Э-э-э, — промямлил Дима, косясь в сторону Гренадерши, но та решила проявить терпимость и выразила восхищение предусмотрительностью незнакомца.

Пока взрослые наслаждались шашлыками, тишиной и покоем, а также виски, дети с шампурками в руках разбрелись по саду. Владик решил съесть свой шашлык в «шалаше», проделанном божмами в крыжовенном кусте, и столкнулся там с Ирккой. Она, поедая шашлык, что-то искала на земле.

— Ты чего потеряла? — поинтересовался Владик.

— Зайца.

— Его там нет, — сообщил Броня, который, оказывается, тоже решил уединиться в шалаше. — Странно. Неужели он взрослым понадобился?

— Грязный заяц? — фыркнула Ирка.

Они еще раз внимательно осмотрели землю вокруг крыжовенного куста.

— Действительно странно, — сказала Ирка и побежала к родителям.

— Мам, ты зайца — того, который бомжи оставили, — случайно не брала?

— Еще чего, — возмутилась Катюша. — Чтобы я взяла грязного бомжового зайца!

— Тетя Аля, а ты?

— Ирка, да что с тобой? — удивилась она. — Если он тебе так уж понравился, я тебе нового куплю. Не смей всякую грязную гадость в руки брать.

— Да его там нет, — нетерпеливо объяснила Ирка. — Вы не брали? Ну, может выбросили, например...

— Деточка, ну зачем тебе? — ласково спросила преображенная Гренадерша.

— Да просто странно, что он исчез.

— Кстати, Зинаида Михайловна, — вспомнил Саша. — Вы не обращали внимания, тут посторонние какие-нибудь у мамы в саду не шлялись?

Гренадеша задумалась:

— Вроде, однажды мне показалось, что кто-то там был, но вообще-то не видела.

— Надо капкан поставить, — предложил Валентин. — Чтобы неповадно было.

— Вот еще, — возмутилась тетя Ася. — Может, они голодные, или замерзли...

— Так что же, пусть разоряют дом? — удивился Валентин.

— Ну, капкан, все же, этот уж чересчур, — согласилась с тетей Асей Клеопатра Апполинариевна.

Как-то так получилось, что Гренадерша и Валентин оказались рядом за столом.

— Зинаида Михайловна, вам налить виски? Чуть-чуть, к шашлычку, — предложил Валентин.

Гренадерша застенчиво согласилась. Потом она сообщила, что сегодня хорошая погода. Немного подумав, они пришли к выводу, что вчера тоже была хорошая погода. Вероятно, предположил Валентин, хорошая погода будет и завтра, и подробно описал, какая погода бывает в это время года в Израиле. Наступила неловкая пауза. К счастью, Зинаида Михайловна вспомнила, что она умеет предсказывать завтрашнюю погоду по тому, как закат отражается в реке. Валентин проявил к этому горячий интерес и попросил поделиться с ним опытом. Через минуту Клеопатра Апполинариевна с удивлением наблюдала, как

Гренадерша, нежно склоняясь к лысине ее племянника, повела его за ворота.

— Эй, вы куда? — окликнул нетактичный Броня.

— Прогуляемся к реке, — томно ответил племянник, сделав неопределенный жест рукой.

— Ой, — подскочила Ирка. — Нас же Лешка ждет. Мам, пап, мы тоже к реке, нас Лешка на лодке покатает.

Лешка уже давно их поджидал.

— Сами просили, — возмущенно начал он, — а сами...

Но, увидев в их руках пакеты с бутербродами, шашлыками и газировкой, смягчился.

На реке было чудесно. Голубая вода, поблескивавшая на солнце, и мягкий плеск волн настроил их на лирический лад. Шашлыки, хоть и остывшие, таяли во рту. Лешка, выпустив весла, мечтательно жевал, глядя в небо. Лодку течением потихоньку относило к берегу.

— Эту машину я, кажется, уже видел, — заметил Лешка черную Ауди на берегу.

— Почему ты думаешь, что именно эту? — фыркнул Владик. — Черных Ауди полным-полно.

— Да эту, — настаивал Лешка. — У нее сиденья в оранжевых чехлах, смотрите. И номер с двумя семерками. Я ее в начале сентября видел. Она по деревне каталась-каталась, но так и не